

КНИТОЛЮБ

РЫЦАРЬ МЕЧТЫ

23 августа исполнилось 100 лет со дня рождения известного советского писателя Александра Грина.

Никто не знает, как именно из всего того, что видел, пережил, выстрадал этот человек, как из всего этого он создал, выплавил, сотворил свою чудесную «Грин-ландию», населил ее сильными и веселыми людьми и каким волшебным образом во всем этом отразились он сам, его современники и его время.

«Кто хочет понять поэта, тот должен отправиться в страну поэта», — утверждал в свое время Гете. Страна Грина — Россия, какой он видел ее за пятьдесят два года своей жизни. Удушливая немота и пустота провинциального быта сухолутой Вятки, где прошли детство и отрочество. Черное море, Каспий, Урал, где он был кем придется, а «больше всего Максимом Горьким»: голодал и мерз, нечеловечески в пустых котлах, под опрокинутыми лодками и просто под забором. Армейская служба, из десяти месяцев которой три с половиной он просидел в карцере, потому что непрерывно и неистово бунтовал против насилия. Революционная работа от партии социал-демократов. Тюрьма, молчание на допросах, попытки бежать, приговор к бессрочной ссылке...

И после революции на долю Грина пришлось самые тяжелые годы разрухи, ломка общественных укладов, невероятные трудности восстановления народного хозяйства. Иногда в один год вмещалось столько поворотов судьбы и нравственных потрясений, что иному хватало бы на всю жизнь.

Но его бунтарская душа рано научилась искать спасения в «томительно желанной им действительности»: в книгах (Фенимор Купер, Майн Рид, Жюль Верн, Стивенсон, Эдгар По, Гюго, Диккенс, вся русская классика), в научных сочинениях, в писанных стихов, в лесной охоте и странствиях. Это питало его яростный протест против всего старшего и коверкающего душу.

«До конца моих дней я хотел бы бродить по светлым странам моего воображения», — говорил он и красками жизни рисовал прекрасного человека и гармонизировал мир, познавая его дисгармонию. Страной его была вся Россия. А творческим Олимпом и «Болдинской осенью» стал солнечный Крым. Он жил здесь последние восемь лет и написал половину всего созданного.

Как много дает прикосновение к живым следам его биографии! Феодосия, «город акварельных тонов». Поднявшись на три ступеньки и переступив порог невзрачного дома, попадаешь в страну Грина. Это — музей, открытый ровно де-

сять лет назад в квартире, где писатель прожил единственные свои четыре счастливых года. Музей оформлен как гриновский фрегат — с трюмом, библиотекой, «каюткой капитана Геза». Осваивая его, забыв обо всем, ты совершаешь краткое-долгое плаванье, заново и иначе переживая написанные здесь «Дорогу никуда», «Джесси и Моргиану», «Золотую цепь», «Бегущую по волнам»... Кажется, тяжкая и трагичная судьба сознательно подарила писателю этот островок счастья для того, чтобы он мог «выдохнуть» высокий жар души и поделиться с нами светоносной энергией таланта.

Вот карта его выдуманной страны с названиями несуществующих на других картах городов, проливов, островов, но все же хорошо знакомых: Каперна, Лисс, Зурбаган, Гель-Гю... В музыке имен и описаний проступают очертания черноморских гаваней, Феодосии и Ялты, Гурзуфа и Севастополя... Вдумываясь, понимаешь, что по существу решительно все в его творчестве автобиографично. В шестнадцатилетнем юнге Санди из романа «Золотая цепь» видишь черты душевного портрета шестнадцатилетнего Сани Гриневского, когда он впервые плывал по Черному морю и даже за границу — в Александрию.

А разве «Блестящий мир» не о том, как мрачные силы капитала убивали порывы духа, таланты, мечты? Со всем так же, как люди, правящие Лиссом, убили «летающего человека», отказавшегося служить их миллионам. В сияющих солнцем городах Лиссе и Гель-Гю живут не только чудачковатые, добрые капитаны Дюки, бесстрашные Битт-Бои, прекрасные девушки — «королевы ресниц», но и «люди без души», и сыщики, как бульдоги, бросаются на человека Двойной Звезды, и есть тюрьмы, тайные казематы, чутунно-ликие полицейские — совсем как в предреволюционной России! «Жизнь — это черновик выдумки», — любил повторять Грин. И, любя жизнь, он мечтал сделать ее «чистой», совершенной, а человека благородным. Он преобразовывал «как было» в «как должно быть» и показывал великую силу морально-эстетических ценностей.

Он верил, он учит верить в колдовскую силу любви, в то, что человек обладает исполинскими возможностями — только дай ему волю творить добро! И доказывал это каждым своим произведением, всей своей жизнью.

Герои Грина — люди действия. Они видят в мечте о счастье «святую и великую истину» и ради нее идут наперекор всему. Так

шла на помощь морякам «Бегущая по волнам».

— Добрый вечер! Добрый вечер, друзья! Не скучно ли на темной дороге? Я тороплюсь, я бегу...

Так, выйдя к читателю с доверчиво протянутой рукой для взаимной дружбы, Грин старался привнести в жизнь как можно больше человеческого тепла. Ради этого наперекор жестокости, скепсису, равнодушию он делал, казалось бы, невозможное: писал о совершенстве и счастье в шумном многолюдье столовок, в случайных мебелированных комнатах, за ломберным столиком своего недолгого и относительного квартирного уюта, даже на извозчике. Но никогда не снижал беспощадной требовательности к себе. Собиравшись по творчеству писателя это восхищало. «Большой человек! — говорил Новиков-Прибой. — Заколдованный... Я-то пишу, честное слово, как полугер. А у него вложишь одну строчку и задохнешься, так хорошо».

Сам себя А. Грин называл «каторжником вобрания», но ведь это же он был «летающим» человеком, сказочником, «бегущим по волнам» XX столетия, рассыпавшем сквозь ветры века призыв к Человечности и перелавнившим его лам. Его великий современник А. Блок сказал как-то о том, что «гениален быть может тот, кто сквозь ветер разблещал целую фразу, сложил слова и записал их». Грин это умел. Он мог, например, сквозь реальность истории и поток горьких человеческих судеб увидеть образ нормальной, должной быть судьбы.

Последние два года Грина жили не у моря, а в Старом Крыму, который Александр Степанович любил за тишину, сады и леса, за то, что здесь впервые и единственный раз в жизни был у них маленький собственный дом. Тяжело больной, сидя в постели у окна, он с жадной любовью глядел на поля, леса, небо и до последних дней писал долго вынашиваемый роман о любви.

У могилы Грина на Старокрымском кладбище всегда много людей: трепещут пионерские галстуки. А поэты читают стихи о том, что люди услышали его тревожащий сердце призыв к совершенству, поверили в радость сбывающихся фантазий, в право человека на большее, чем «простое проживание на Земле», в то, что жизнь полна «чудес любви, природы, отрядных встреч, подвигов и легенд». В знак согласия с ними тихо и почтительно опускаешь на узкую могилу цветы.

Р. КОЛЕСНИКОВА,
доцент Томского государственного университета.